

Г. Н. Алишина*

**Старожилы, «инородцы» и новоселы Азиатской России
в конце XIX – начале XX в.: факторы конфликтности***

В конце XIX в. в Азиатской части Российской империи начались заметные изменения. Они во многом были связаны с Транссибирской железнодорожной магистралью. Хотя строительство этой железной дороги было стратегически важным проектом, нацеленным на решение внешнеполитических задач, для оправдания произведенных затрат требовалась ее эксплуатация гражданским населением. А, значит, требовались люди, которые бы этой дорогой пользовались. В результате, появление Транссиба заставило государственную власть иначе взглянуть на процесс заселения Зауралья и одновременно позволило значительно его активизировать. Наряду с этим в Европейской России все большую остроту приобретала проблема аграрного перенаселения, приводившая к недостаточной обеспеченности крестьян землей и, следовательно, их обнищанию. Чтобы недовольство крестьян не достигло крайней степени, властям было необходимо переместить «лишнее население» на незанятые земли. В этом смысле обширная и малозаселенная Азиатская Россия подходила идеально. Совокупность этих основных факторов в итоге привела к широкомасштабной внутренней миграции крестьян из Европейской части России за Урал.

Крестьянское переселение в Азиатскую Россию в конце XIX – начале XX вв. сыграло заметную роль в истории развития Российского государства и всегда вызывало исследовательский интерес у ученых. Изучать этот миграционный процесс начали еще его современники¹. Не угас научный интерес к проблеме и позднее. В советский период изучением колонизации Азиатской России занимался целый ряд исследователей². Не умаляя вклад этих ученых, можно, тем не менее, отметить, что в своих работах они в основном касались экономической стороны крестьянского переселения за Урал. В результате одна из ключевых проблем любого миграционного процесса – проблема адаптации – была изучена однобоко, природно-географический и хозяйственный аспекты получили большее

* Алишина Галина Николаевна, ассистент Томского государственного университета
Эл. почта: doukadr@sibmail.com

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», мероприятие 1,5.

¹ *Кауфман А.А.* Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск, 1894; *Он же.* Община и успехи сельского хозяйства в Сибири. СПб., 1894; *Он же.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1896; *Он же.* Сибирское переселение на исходе XIX века. Историко-статистический очерк. СПб., 1901; *Он же.* Переселение и колонизация. СПб., 1905; *Морозов А.* Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г. // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск, 1900; *Кузнецов В.* Экономические результаты переселения в Сибирь и Степной край // Вопросы колонизации. СПб., 1908. Вып. 2. С. 69–83 и др.

² *Токавкин В.Г.* Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века. Иркутск, 1961; *Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; *Степelin В.А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск, 1976; *Тихонов Б.В.* Переселения в России во второй половине XIX в. (по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики). М., 1978 и др.

освещение в научной литературе. Лишь в последнее время научное сообщество обратилось к исследованию социокультурной составляющей адаптационного процесса в различных ее аспектах. Современными учеными рассмотрены вопросы роли и значения государственной политики в переселенческом движении за Урал в конце XIX – начале XX вв., выявлены основные факторы миграционной мобильности и адаптации переселенцев, затронуты проблемы взаимоотношений различных групп местного и пришлого населения и проч.¹. Не осталась обойденной вниманием и проблема конфликтности во взаимоотношениях между переселенцами и старожилами, а также между переселенцами и «инородцами». Однако в большинстве работ на эту тему повышенная конфликтность объясняется сугубо экономическими причинами (истощением земельного фонда Азиатской России или конкуренцией за другие хозяйственные ресурсы). Автор данной статьи, не отвергая выводы предшественников, предлагает скорректировать их посредством обращения к наработкам психологической науки, также давно и плодотворно изучающей проблему адаптации мигрантов в принимающем обществе.

Следует оговориться, что успешность переселения зависела от комплекса факторов. Огромную роль играли природно-географические условия, в которых оказывались переселенцы, достаточность материальных ресурсов, имеющихся в наличии у новоселов, степень хозяйственного освоения местности, куда селились мигранты, наличие и развитость путей сообщения, что в условиях обширной территории приобретало особое значение, и т.д. Однако не только это оказывало влияние на успешность адаптации переселенцев из Европейской России. Зауралье было хоть и малозаселенным, но далеко не безлюдным регионом, и мигранты не могли игнорировать уже имевшееся местное население. Проживавшие в Азиатской России коренные жители («инородцы») и ранее переселившиеся за Урал крестьяне – старожилы – составляли сибирский социум и мыслили себя сообществом, отличным от выходцев из Европейской России. Например, старожилы (хотя сами некогда пришли в Азиатскую часть России из-за Урала) четко отделяли себя от переселенцев, которых презрительно величали «российскими лапотниками», принесших «российские порядки» в размеренную «сибирскую жизнь»². В итоге новоселам, которые к тому же сами не отличались однородностью состава³, приходилось в той или иной степени входить в принимающее сибирское и дальневосточное общество и осуществлять взаимодействие как со старожилами, так и с «инородцами». Процесс вхождения мигрантов, относящихся к различным этническим группам, в принимающее общество, также этнически неоднородное, мог протекать по различным сценариям, которые вполне укладываются в классификацию стратегий аккультурации,

¹ Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005; *Резун Д.Я., Шилловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; *Коровушкин Д.Г.* Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск, 2006; *Чуркин М.К.* Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006; *Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века.* Новосибирск, 2007; *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России.* Новосибирск, 2008 и др.

² Сибирская жизнь. 1899. 5 мая.

³ В числе переселенцев того периода были, в частности, выходцы из различных частей Европейской России, представители разных национальностей, приверженцы разнообразных вероисповеданий и т. д.

предложенную в 60-х гг. XX в. канадским психологом Дж. Берри¹: 1) ассимиляция; 2) сепаратизм (сегрегация); 3) маргинализация; 4) интеграция.

Наиболее успешной стратегией как на индивидуальном и групповом уровнях, так и на уровне общества признается интеграция² как путь к построению мультикультурного общества. Однако на пути к интеграции мигрантов и местных жителей возникает множество препятствий. Реализация этой стратегии может существенно затрудниться при наличии значительной культурной дистанции (отчетливости таких различительных признаков как раса, язык, религия и т.д.) между входящей и принимающей стороной.

Немалую роль в выборе переселенцами того или иного варианта вхождения в принимающее общество играл характер взаимоотношений между «гостями» и «хозяевами». Поскольку не все стратегии считаются эффективными, то от взаимоотношений новоселов и старожилов во многом зависел исход адаптационного процесса: органичное сосуществование, растворение, изоляция или же полное фиаско, то есть возвращение назад. Различные исторические источники содержат информацию о том, что для взаимодействия новоселов и местных жителей в Азиатской России в конце XIX – начале XX вв. в числе прочего была характерна конфликтность, то есть агрессивно-оборонительный стиль поведения. Это можно оценить как закономерное явление, поскольку даже при благоприятных условиях адаптация – трудный, стрессогенный процесс³. Стресс является последствием травмы. В роли травматического события выступает сама миграция, и, как любая психологическая травма, она имеет определенные психологические последствия. В частности, вызывает изменения в поведении, например, повышается конфликтность, наблюдаются изоляция, отчужденность, постоянное недоверие и т. д.⁴ Таким образом, повышение конфликтности в результате миграции закономерно и вызывается не только «внешними причинами», но и стрессогенностью ситуации, в которой оказывается любой мигрант. Следует также отметить, что частые конфликты между пришедшим и местным населением могут повлиять на выбор адаптационной стратегии, минимизируя вероятность интеграции как наиболее предпочтительного варианта.

В этой связи объектом данного исследования является население Азиатской России в конце XIX – начале XX вв. Предметом – взаимоотношения таких групп этого населения, как переселенцы, старожилы и «иностранцы». Задача работы заключается в рассмотрении составляющей этих взаимоотношений – конфликтности – посредством привлечения разработок психологической науки. Автор статьи полагает, что такой подход к данной проблеме позволит дополнить и скорректировать представления о причинах конфликтов между переселенцами и местными жителями в Азиатской России в конце XIX – начале XX в.

Обращаясь к опыту колонизации Зауралья, можно утверждать, что зачастую в основе конфликтов между новоселами и местными жителями лежало столкновение их хозяйственных интересов. Это наблюдалось у переселенцев как в случае взаимодействия со старожилами, так и в отношениях с «иностранцами». Старожилы и новоселы довольно быстро обнаружили взаимные претензии. Крестьяне-сибиряки жаловались на наглость переселенцев⁵, их отказ нести внутриобщинные повинности⁶. Местные власти и

¹ Подробнее об этом: Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис личности. М., 2002. С. 143–145.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 128.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Сибирская жизнь. 1909. 21 октября.

⁶ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 61; Сибирская жизнь. 1903. 13 декабря.

общественность подтверждали, что со стороны мигрантов наблюдается «неуважение к чужой собственности»¹, которое выражалось в самовольном захвате земель местных жителей². Раздражал старожилов и факт передачи новоселам угодий, которыми они привыкли пользоваться сами³. Однако местные жители и местные власти тоже не всегда отличались гостеприимством. Современники отмечали, что они «допускают по отношению переселенцев всевозможные насилия и самоуправство: выселяют переселенцев из деревень ... отбирают распаханые и засеянные земли ... земледельческие орудия; разламывают постройки, печи, окна в домах, наконец, воспрещают общественникам держать переселенцев на квартирах, вынуждая их с малолетними детьми и престарелыми больными жить под открытым небом и т. п.»⁴.

Решить сейчас, кто в подобных конфликтах выступал в роли агрессора, а кто оборонялся, довольно трудно. Однако можно отметить, что острота конфликтов заметно возрастала, если дело касалось неприписных переселенцев. Нелегальность их пребывания на землях сибиряков еще более усугубляла и без того непростые отношения между старо- и новоселами. Для местных жителей это служило дополнительным раздражающим фактором, а у переселенцев провоцировало очередной стресс. Ситуация неопределенности (когда новоселы зачастую числились временно проживающими в старожильческих селениях «без обычных общественных и сельскохозяйственных прав»⁵ или же просто «повисали в воздухе» по причине отсутствия свободной земли поблизости и недостаточности средств для переезда в другую местность) толкала их на крайние меры, что еще больше обостряло отношения со старожилами. В качестве примера можно привести неприписных переселенцев Омского уезда, о которых сообщалось в «Сибирской жизни», что положение их «особенно ухудшилось ... Земельных свободных участков близко нет, а для того, чтобы отправится на юг Акмолинского уезда, где они имеются, – денег нет. Положение безвыходное, и отношения между старопоселенцами и пришельцами сильно обостряются. Крестьянские начальники доносят, что если не будут эти пришельцы выселены мерами уездной полиции, то дело может окончиться очень худо»⁶.

«Территорией риска» в этом смысле оказался Алтайский округ, где проблема с неприписными переселенцами стояла особенно остро. Это своеобразное административно-территориальное образование даже современники называли государством в государстве⁷. Особое положение и особое управление этой местностью, которое осуществлял Кабинет Его Императорского Величества, заметно влияли на организацию там переселенческого дела, причем не в лучшую сторону. В частности, отмечалось, что никаких работ в этом направлении (гидротехнических, по образованию переселенческих участков и проч.) там не велось, а само переселение было с 1897 г. вообще воспрещено⁸. Однако природные богатства этого края, несмотря на все запреты, ежегодно привлекали сюда тысячи самовольных переселенцев (к 1906 г. на Алтае

¹ Сибирская жизнь. 1906. 24 сентября.

² ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 61.

³ В «Сибирской жизни» от 15 марта 1914 г., в частности, описано столкновение из-за леса, который отвели переселенцам, но старожилы продолжали считать его своим. В итоге несколько человек получили тяжелые ранения.

⁴ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 1.

⁵ Сибирская жизнь. 1906. 2 мая.

⁶ Там же. 24 сентября.

⁷ Там же. 2 мая.

⁸ Там же. 1903. 29 октября.

их насчитывали около 150 тыс. чел.¹). На примере Алтайского округа видно, что из-за неверных действий или бездействий властей складывалась ситуация, когда старожилы и новоселы вынуждены были конкурировать друг с другом в борьбе за необходимый для хозяйственной деятельности ресурс – землю. Это служило фактором повышения конфликтности в отношениях между ними.

По схожим причинам возникали конфликты между переселенцами и «инородцами». В степных областях Азиатской России столкнулись их экономические интересы. Степные «инородцы», ведущие кочевой образ жизни, привыкли к простору, а переселенческие поселки стали их стеснять². Точно также из-за неупорядоченности земельных отношений и отсутствия землеустройства большинство крестьянских и «инородческих» селений были втянуты в земельные споры³. Наряду с общими чертами, во взаимоотношениях переселенцев с «инородцами» была и некоторая специфика. Заклучалась она в очевидности различительных признаков и, следовательно, большей культурной дистанции. В результате у обеих сторон, осуществлявших взаимодействие, формировалось четкое противопоставление «мы – они», «свои – чужие». У некоторых переселенцев даже отмечали презрительное отношение к «инородцам»: «русские смотрели на аборигенов как на нехристей, азиатов, орду»⁴. Безусловно, все это еще более осложняло отношения между переселенцами и местными жителями, и конфликты в их среде приобретали «кровоавый оттенок». Именно так произошло на тургайской ярмарке, когда стычка между «инородцами» и русскими переселенцами привела к человеческим жертвам⁵. При выяснении взаимоотношений практиковались вооруженные столкновения, поджоги и разрушения жилищ, потравы посевов и проч.⁶. Любопытно, что «киргизы» конфликтовали не только с русскими. Случались недоразумения и с представителями других национальностей. Например, вооруженное столкновение произошло между немцами из села Николаевки Александровской волости Омского уезда (хотя немцев традиционно считали самым законопослушным переселенческим элементом) и «киргизами» аула № 2 Омской волости того же уезда⁷.

Как видно из приведенных примеров, «градус конфликтности» во взаимоотношениях между переселенцами и «инородцами» был выше, чем при взаимодействии новоселов со старожилами. Возможное объяснение этому, как уже было отмечено, кроется в большей культурной дистанции. Интересно другое: повышенная острота конфликтов влекла за собой более серьезные последствия. Мигранты не только склонялись к не самым эффективным адаптационным стратегиям, но часто признавали свое «поражение» и возвращались туда, откуда пришли, пополняя ряды обратных переселенцев. Как отмечает в своей работе Г.А. Ноздрин, «жестокое сопротивление инородцев являлось одной из причин, сдерживающих адаптацию переселенцев»⁸.

¹ Сибирская жизнь. 1906. 2 мая.

² Там же. 1900. 20 апреля.

³ Ноздрин Г.А. Взаимоотношения переселенцев с аборигенным населением Сибири как фактор адаптации // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах. Новосибирск, 2008. С. 61.

⁴ Там же.

⁵ Сибирская жизнь. 1908. 31 июля.

⁶ Ноздрин Г.А. Взаимоотношения переселенцев с аборигенным населением Сибири как фактор адаптации. С. 62.

⁷ Сибирская жизнь. 1906. 27 июля.

⁸ Ноздрин Г.А. Взаимоотношения переселенцев с аборигенным населением Сибири как фактор адаптации. С. 63.

В завершение хотелось бы отметить, что недостаточность ресурсов и вызванная этим конкуренция были хоть и очень распространенными, но далеко не единственными причинами конфликтов между переселенцами и местными жителями. Очень показательным в этом смысле является случай, произошедший в Приамурском крае. Новосел-малоросс обосновался в селении, где проживали староверы. Местным жителям это очень не понравилось, и они потребовали его удаления. Когда же новосел отказался, они в качестве намека на нежелательность его дальнейшего пребывания в их поселке забрались к нему в дом и разобрали печь, без которой было весьма проблематично прожить зимой. Однако «хохол» оказался упрямым. Немного погоревав, он отстроил новую печь, но ее ждала участь предыдущей¹. Примечательно, что в изложении этой почти комичной истории не указывалось никаких конкретных претензий старожилов к новоселу. Предполагалось, что читатель поймет суть конфликта, узнав, что дело было в селении староверов. Научные исследования подтверждают, что расхождения в религиозных взглядах зачастую становились непреодолимым мировоззренческим барьером на пути вхождения переселенца в принимающее сибирское и дальневосточное общество². Современники же отмечали, что раскольники относились к православным весьма недружелюбно³. Причиной такого отношения и, соответственно, конфликтов становились уже не столкнувшиеся хозяйственные интересы, а остро ощущаемые культурные различия.

Таким образом, к числу факторов, повышавших уровень конфликтности и, соответственно, затруднявших интеграцию мигрантов в принимающее общество в Азиатской России в конце XIX – начале XX в., можно отнести: 1) пересечение хозяйственных интересов, когда местные жители и новоселы были вынуждены претендовать на один и тот же ресурс, необходимый для обеспечения их жизнедеятельности; 2) отсутствие, недостаточность или несвоевременность действий, направленных на организацию переселения; 3) наличие осознанной «культурной дистанции» между мигрантами и местными жителями; 4) отсутствие достаточной психологической готовности к переселению как у мигрантов, так и у принимающего общества. По мнению автора, именно совокупность этих факторов влияла на повышение конфликтности в среде новоселов и местного населения. Не только «внешние причины», но и внутренние психологические процессы, запущенные переживаемым из-за миграции стрессом, влияли на поведение переселенцев, старожилов и «инородцев». Отсюда следует вывод, что учет особенностей поведения мигрантов и принимающего общества, изучаемых психологической наукой, позволяет расширить и скорректировать представления историков о переселении за Урал в конце XIX – начале XX вв.

¹ Сибирская жизнь. 1903. 23 февраля.

² Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь. С. 287.

³ Там же. С. 288.